

Суа Пэ
**Непостижимая ночь,
неразгаданный день**
Серия «Loft. Восточная коллекция»

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66570292
Непостижимая ночь, неразгаданный день: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-159715-3*

Аннотация

Пэ Суа – феномен современной южнокорейской литературы. Смелая и талантливая писательница постепенно покоряет читателей по всему миру.

Ее роман «Непостижимая ночь, неразгаданный день» – настоящая сюрреалистическая головоломка, которая придется по душе поклонникам творчества Линча и заставит сомневаться в реальности происходящего вокруг.

Потеряв работу в аудиотеатре, бывшая актриса Аями не знает, что ей делать дальше. Пока – отыскать пропавшую учительницу немецкого Ёни, а остальные проблемы решать по мере их поступления.

Шагая по плавящемуся асфальту в изнемогающем от жары Сеуле, блуждая среди миражей, Аями все больше увязает в мире, в котором причудливейшим образом сплелись явь и сон.

И с каждой минутой окружающая ее реальность все сильнее разваливается на части.

«Я влюбилась в загадочную красоту „Непостижимой ночи, неразгаданного дня“. По мере того, как эта книга раскрывается перед вами, вы сами открываетесь ее секретам». – Дейзи Джонсон, автор романа «Сестры»

«Захватывающее и мифическое странствие по хитросплетениям корейского общества». – The Guardian

«Сюрреалистичный, дезориентирующий и в высшей степени оригинальный роман, полный неразгаданных тайн... потрясающая проза». – The Telegraph

«„Непостижимая ночь, неразгаданный день“ воссоздает образ города – и состояние души – одновременно внутреннее, сиюминутное и совершенно потустороннее». – Korean Literature Now

Содержание

1

Конец ознакомительного фрагмента.

6

48

Суа Пэ
**Непостижимая ночь,
неразгаданный день**

Bae Suah

UNTOLD NIGHT AND DAY

Copyright © 2020 Bae Suah

© Похолкова Е., перевод на русский язык, 2021

© Томчина Э., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1

На ступенях зала аудиотеатра сидит бывшая актриса Ая-ми.

Одна. Все, что будет происходить дальше, пока остается загадкой.

Без света зал театра как будто погружен в мутную воду. Внутри все плавно распадается на частицы. Истинная суть вещей становится тусклой и неявной. Не только свет и очертания предметов, но даже звуки. В зале помимо дюжины кресел располагаются лестницы, на которых можно сидеть.

По окончании всех спектаклей, закрыв театр изнутри, Ая-ми сидела на ступенях с гостевой книгой в руках – для нее это время спокойствия и умиротворения было самым ценным. И не только потому, что посетители писали в книге нечто особенное. В театр часто приходили незрячие, которые оставляли в книге записи точечным шрифтом, который она не могла прочесть. Однако она сидела с книгой в руках не для того, чтобы читать, а чтобы прислушиваться к доносящемуся издали прерывистому голосу.

Не уходи ни на единый день.
День без тебя – длиною
в бесконечность!..

Не уходи ни на единый час¹.

Она сидела в пустом зале в одиночестве, как вдруг где-то посреди груды звуковой аппаратуры сам по себе включился старый радиоприемник. Аями до смерти боялась магнитных полей и электрического тока. Током могло ударить от прикосновения к электроприборам, проводам, кабелям, микрофонам или динамикам. Она была полностью убеждена, что шум, вызванный сопротивлением звуковых волн, может причинить серьезный вред ее здоровью. Аями не могла пересилить себя и дотронуться до или даже заглянуть за аппаратуру, чтобы найти радиоприемник, который то ли специально оставили там, то ли забыли по ошибке. И хотя она давно работала в аудиотеатре, все ее знания об электронике ограничивались умением вставить нужный диск в стереосистему и нажать кнопку «пуск».

Время от времени из Фонда приезжал мастер, чтобы проверить технику, но Аями с ним никогда не разговаривала. Он всегда натягивал бейсболку так, что его лицо полностью скрывал козырек. От этого мастер становился похожим на собственную тень. Он приезжал на автобусе, на белом корпусе которого была изображена эмблема Фонда. Мастер никогда не привозил с собой никакого тяжелого оборудования. К тому же он неизменно приезжал один. Директор театра все-

¹ Пабло Неруда «100 сонетов любви», сонет 45 (*прим. авт.*), перевод Нонны Журавлевой-Гросс (*прим. пер.*).

гда был осведомлен о точном времени его приезда и лично обсуждал с ним все важные вопросы. Директор сам его встречал, он же его и провожал.

Как-то раз Аями решила рассказать директору, что где-то за аудиосистемой лежит радиоприемник, который то и дело включается и выключается сам по себе. Она понимала, что директор должен об этом знать, учитывая, что он был ее начальником и единственным коллегой, и несмотря на то, что во время спектакля такого никогда не случалось, но если бы произошло, то стало бы для всех серьезной проблемой.

Проходя мимо кабинета директора, Аями остановилась и выпалила, как будто эта мысль только что осенила ее:

– Видимо, что-то не так с проводами. Может, кабель от колонок случайно подсоединили к радио.

– Насколько мне известно, в зале нет радио, – заметил директор, оторвав взгляд от своего стола. – И все же странно. Я никогда не слышал там подобных звуков. Хотя я не из тех, кто обладает идеальным слухом.

– Я тоже до конца не уверена, что это именно радио, – ее охватило чувство неловкости, но она понимала, что, начав разговор, надо продолжать. – Я просто предположила, что со стороны сцены идет какой-то шум... Я имею в виду, что, когда в театре становится тихо, появляется ощущение, как будто начинают раздаваться эти звуки.

– Так все же, о чем конкретно идет речь?

– Голос, медленно читающий что-то вслух – отдаленно,

еле слышно, издалека... Как будто кто-то бормочет себе что-то под нос... Нет, как трансляция метеосводки для моряков, в которой кто-то медленно и монотонно диктует данные, специально, чтобы те, кто выходит в море, успели записать. «Высота ветровых волн на юго-востоке – два с половиной метра, ветер юго-восточный, небольшая облачность, на юге радуга, ливень, град. Ветер северо-восточный, 2, 35, 7, 81...» Всегда подобное бормотание...

– То есть вы слышите какой-то звук каждый раз после спектакля, вечером, когда все оборудование выключено?

– Да.

– Может, после спектакля остается звуковой фантом?

– Как это – звуковой фантом?

– Своего рода иллюзия.

Аями пристально посмотрела на директора, но так и не смогла понять, говорил ли он всерьез или просто шутил. Она, может, и смогла бы ему что-то ответить, но хорошо понимала, что совсем не разбирается в технике, и растерялась, а директор снова заговорил:

– Завтра-послезавтра может приехать мастер. Я ему укажу на это, пусть посмотрит.

– Да, хорошо. Но я...

– Что еще?

– Я подумала, что это ведь входит в мои обязанности, говорить вам о подобном... Я просто хотела сообщить о проблеме.

– И что?

– Если это звук радио или звуковой фантом, как вы сказали, то он не слишком громкий, и даже если он включится сам по себе во время спектакля, то его, скорее всего, не будет слышно за звуком колонок.

Губы директора слегка дернулись, словно он хотел улыбнуться. Но, возможно, это был обычный мышечный спазм.

– То есть теперь вы хотите сказать, что эти метафизические звуки радио настолько тихие, что совсем вас не беспокоят.

– Да.

Прежде чем директор успел что-то ответить, Аями быстрым шагом вышла из кабинета и вернулась к себе в читальный зал.

Они исчезли без следа, выбежав за дверь раньше своих теней. Голова солнца низко висела над горизонтом, золотистые волны света вливались в темноту здания, внутри которого уже все погрузилось во мрак. В тот день на спектакль пришли пять рослых школьников, похоже, со своим классным руководителем, и слабовидящая девушка, сидевшая с едва приоткрытыми глазами. Школьники повскакивали со своих мест еще до окончания спектакля. Громко переговариваясь, они распахнули стеклянную дверь и выбежали наружу, будто торопились. Дверь захлопнулась так резко, что призрачные тени мальчиков остались позади.

В тот день слабовидящая девушка покинула театр послед-

ней. Возле выхода она прикоснулась к тыльной стороне руки Аями, провела пальцем по ее запястью, словно хотела измерить пульс, как бы приглашая ее последовать за собой в мир, где нет грани между тьмой и светом. В тот момент Аями решила, что таким необычным способом девушка с ней попрощалась.

Девушка и одета была очень необычно: традиционный *ханбок* из белого хлопка без каких-либо узоров и украшений. Пахло от нее накрахмаленной одеждой. Ее густые иссиня-черные волосы были завязаны в тугий пучок, из-под подола юбки выглядывали сандалии из перекрученной конопляной ткани, надетые на босую ногу.

Бывшая актриса Аями была не единственной бывшей актрисой в аудиотеатре от Фонда, которая одновременно выполняла роль менеджера, библиотекаря и кассирши.

До нее еще было несколько человек, таких же, как она, которые имели хоть какое-то отношение к театру – в основном бывшие актрисы. На них возлагались те же обязанности. Кто-то продержался в театре целых три месяца, а кто-то – всего лишь три часа. Аями, в отличие от остальных, работала уже два года. По правде говоря, будни в театре были довольно скучными и однообразными. Особенно для молодых и романтических девушек, которые когда-то были актрисами. Основные посетители аудиотеатра, если не сказать все, это – незрячие и школьники или незрячие и студенты. Все

ее предшественницы увольнялись еще до того, как истекал срок договора, вероятно, это происходило потому, что возможность найти себе спутника сводилась к минимуму, если такая вообще существовала. Обычно девушки хотят встретить не просто парня, а молодого, энергичного и амбициозного мужчину, который сможет окружить их достатком и благополучием.

Аями ничего не знала о своих предшественницах. Она ни разу не видела их и не знала их имен. В ящике стола после них оставались лишь шариковые ручки и стикеры для заметок, исписанные грубыми выражениями неясно в чей адрес. Более того, девушка совсем ничего не знала о Фонде – своем непосредственном работодателе, который владел аудиотеатром и платил ей. Несмотря на существующие предрассудки, она устроилась на эту работу не благодаря связям в Фонде. В какой-то момент ей стали все реже и реже давать хоть какие-то роли в родном театре. Дошло до того, что из-за производственных трудностей распустили и саму труппу. Тогда один из друзей-актеров рассказал ей об этом аудиотеатре.

В тот же день Аями отправилась туда, вошла внутрь, где не было ни души, не зная, что делать дальше. Вскоре появился человек, представившийся директором театра. Аями сидела лицом к выходу, но все равно не заметила, как он подошел. Мужчина словно вышел из светового коридора, образованного летающей повсюду пылью и лучами света. Сидя на второй ступени в зале аудиотеатра, Аями кратко расска-

зала о себе и прямо на том же месте была принята на работу.

Это был театр без сцены и экрана. Спектакли представляли собой заранее записанный текст, который проигрывали с помощью аудиосистемы. Немногочисленные зрители рассаживались по залу – в мягких креслах или на ступенях – и слушали запись спектакля. Это был театр без актеров. Аями больше не работала по профессии, а занималась обычной офисной работой, в основном выполняя роль администратора. Сам театр состоял из тесного вестибюля, из которого шли двери в небольшой аудиозал, маленькой библиотеки и находившегося за ней совсем крошечного кабинета директора. Днем Аями работала в своем уголке в библиотеке и раз в день, ближе к вечеру, шла ко входу и продавала билеты, которые стоили дешевле чашки кофе. Перед самым спектаклем Аями входила в зал и кратко описывала сюжет пьесы, а потом говорила: «Итак, спектакль начинается!» Изредка кто-нибудь доходил до библиотеки с просьбой взять почитать сценарии спектакля, брошюры, сборники пьес, автобиографии актеров или послушать сами диски с выступлением.

Аями решила, что выполнила всю свою работу. Выручку за день посчитала – это заняло совсем мало времени, – проверила, на месте ли каталоги в библиотеке, отправила необходимые документы в Фонд. Осталось лишь закрыть зал на замок и положить ключ в нижний почтовый ящик. А что ка-

сается зарплаты, так до конца месяца ее выдадут.

Зазвонил телефон. Это были не звуки радио, а настоящий звонок. Аями подошла к столику и взяла трубку. Задали вопрос о программе на следующую неделю – чаще всего об этом и спрашивали.

– На следующей неделе не будет спектаклей, – ответила Аями. – Сегодня был последний. Завтра театр закрывается.

– Как это закрывается? – искренне удивился человек на том конце провода. – Почему же об этом не писали в газетах?

Может, и писали. Аями не знала точно, ведь этими вопросами занимался отдел по связям с общественностью Фонда. К тому же, если учитывать ежедневное количество зрителей, закрытие театра не было событием общественного масштаба, как считал звонивший. По крайней мере, не таким, чтобы о нем писали в газете.

Театр закрывался, а это означало, что с завтрашнего дня Аями становилась безработной. Фонд принял решение о закрытии театра несколько месяцев назад, и, безусловно, у девушки было достаточно времени, чтобы трудоустроиться. Однако она уже давно не выходила на сцену и ей было бы тяжело вернуться в театр, ведь и раньше ей не удавалось достичь ничего значимого в этой сфере. Более того, Аями слишком поздно осознала, что ее опыт работы в аудиотеатре никак не поможет ей в поисках нового места. Других финансируемых Фондом аудиотеатров в Сеуле не было. Так вышло, что во всем мире ей подошла только одна вакансия.

В ее личном деле не было документов, подтверждающих ее профессиональную компетентность заведующей библиотекой или преподавателя искусствования, которые могли бы впечатлить любого работодателя. Ничего, что подтверждало бы ее навыки. В свое время она поступила на юридический факультет, но не проучилась там и семестра, поэтому у нее не было ничего похожего на диплом, даже водительских прав не было.

Будучи актрисой, Аями подрабатывала официанткой в кафе, но и там у нее ничего не сложилось, как и с актерской карьерой. Она выглядела слишком высокой, что мешало ей быть хорошей официанткой. Вдобавок к этому каждый раз, когда она принимала заказ, ее лицо становилось театрально-невыразительным, словно маска, все ее движения, жесты, шаги – все было до предела манерным, словно совершалось для усиления драматического эффекта, и все это выходило за рамки обычного. У посетителей ресторана такое поведение вызывало чувство неведомой неловкости и растерянности. Каждый раз, когда Аями подходила к столу с заказом, лица людей почти всегда становились стыдливо-напряженными. Если же девушку спрашивали, какого она роста, то после ответа люди удивленно смотрели на ее обувь и не могли поверить своим глазам. Аями всегда ходила в туфлях на плоской подошве. На самом деле девушка просто казалась высокой, а ее настоящий рост был средним. Она словно плыла в воздухе, парила над полом. То была своего рода оптическая иллюзия.

люзия, которая усиливалась тем, что посетители сидели, когда девушка подходила к ним.

Сама Аями была уверена, что создана для физического труда, нежели для постоянного общения с клиентами, которое требовало хороших социальных навыков, так, например, актерскую игру она считала физическим трудом.

Узнав о том, что Аями не может найти новую работу, директор аудиотеатра посоветовал ей написать в Фонд. Поскольку девушка в свое время заключила контракт непосредственно с театром, ей никогда не приходилось бывать в Фонде или встречаться с его представителями. За все связи с Фондом отвечал директор. Сама Аями за все время лишь несколько раз звонила человеку из отдела искусствоведения Фонда – и только тогда, когда этого требовала исключительная срочность, и это всегда были короткие и крайне сухие разговоры по делу. Директор театра считал, что Аями должна была отправить рекомендательное письмо и резюме в кадровую службу Фонда, ведь подходящая вакансия может найтись в самой организации, но, конечно же, не сразу. Ведь Фонд мог снова начать инвестировать в некоммерческие проекты в области искусства и культуры или даже заново открыть аудиотеатр, но это было маловероятным.

«Вы же знаете, что Фонд не проводит открытый набор, а всегда подбирает людей по рекомендациям, поэтому я думаю, что написать туда стóит», – сказал директор. Но де-

вушка не стала писать. Не потому, что ей не нужна была работа или не нравилась идея работать в Фонде. Она осознавала, что и сам директор не смог найти достойную работу, которая бы и приносила статус, и давала деньги. Если бы у Фонда действительно была хоть малейшая заинтересованность в них или желание помочь, то директор театра, который ближе общался с представителями Фонда, чем она, не столкнулся бы с такими трудностями. Девушка видела в нем прекрасно образованного, эрудированного человека, который когда-то учился за границей. Единственным пятном на его карьере была работа в аудиотеатре, некоммерческом учреждении, где помимо него работал всего один человек.

Над городом в ясном вечернем небе сияли лучи солнца. Аями положила трубку и наблюдала сквозь стеклянную входную дверь театра, как сгущались сумерки, а последние вспышки догорали карминным оттенком. У глухой стены напротив входа в театр стояли мужчина и женщина средних лет в поношенной одежде и смотрели в его сторону. Всякий раз, когда по переулку с односторонним движением проезжала машина, женщина боязливо поднималась на невысокий бордюр у забора. Они довольно долго стояли у входа в театр и внимательно изучали афишу.

На вид обычная супружеская пара, вышедшая на вечернюю прогулку, или одноклассники, которые встретились спустя сорок лет после выпуска. Женщина подняла голову,

и копна неестественно черных волос откинулась назад и открыла ее щербатое лицо, испещренное едва заметными оспинами. Мужчина указал на афишу грубой мозолистой рукой. Похоже, они поняли, что сегодня был последний спектакль. Женщина грустно покачала головой. «А что, если они мои родители?» – подумала Аями, но мысль пронеслась в голове и тут же улетучилась, как струйка дыма.

«Как странно, – она услышала бормотание женщины. – До сих пор мы не знали про этот театр. Вывески у них толком нет, одна афиша. Если не присматриваться, можно подумать, что это буддийский центр или студия йоги».

Мужчина что-то прошептал женщине на ухо, а она положила голову ему на плечо и захихикала, как старый ребенок. Аями вдруг увидела необъяснимое сходство между этим щуплым пожилым человеком и своим отцом, который работал развозчиком фруктов, в то время как сам приходился дальним родственником мэру Сеула.

Неожиданно они одновременно посмотрели на небо. Они словно забыли о театре, который лишь на мгновение появился в их жизни.

Стояла жара. Ни намек на изменение погоды. Ни единого признака приближения дождя.

«Что же все-таки там внутри?» – с неестественным любопытством спросила женщина, украдкой бросив взгляд за стеклянную дверь театра. Мужчина вслед за ней посмотрел в ту же сторону. Он не знал, что такое аудиоаппаратура, да и

место с названием «аудиотеатр» его мало интересовало. Похоже, они не заметили стоящую за дверью Аями.

«Тут написано, что внутри есть библиотека и фонотека... Фонотека – это ведь где музыку можно послушать? Только вот закрылось все. Жаль. А мы так ни разу и не побывали здесь».

Они побрели по переулку, будто направились в сторону своего дома, но внезапно остановились, словно задаваясь вопросом: «Куда мы идем?» Вдруг женщина повернулась к мужчине, раскрыв глаза так широко, что на лбу образовались морщинки, и спросила: «Ты правда не бросишь меня, как обещал в том письме?»

Юбка женщины трепыхалась, как белье на веревке в ветреный день, хотя на улице был штиль. Обнажились ее щиколотки с выпирающими сухожилиями, миниатюрные ступни и дешевые на вид туфли, поблескивающие новизной.

Капелька пота скатилась по пряди волос на щербатое лицо женщины. Из-под юбки исходил запах чуть перезрелых фруктов, сигарет, невысушенного постельного белья и рыбной чешуи.

Фонотека, по сути, была не отдельным залом, а просто небольшим уголком для прослушивания дисков и пластинок в одной из секций библиотеки. Само слово было преувеличением, ведь изначально она была создана для того, чтобы люди могли прослушать часть спектакля, прежде чем взять диск.

«А что, если они мои родители?» – снова подумала Аями.

За два года работы в театре Аями специально ни разу не брала отгулы и всегда уходила в отпуск на неделю в августе, когда аудиотеатр официально закрывался на каникулы. Отпуск обычно совпадал с самыми жаркими днями лета. В эту неделю Фонд полностью прекращал работу, телефоны отключались, а всех сотрудников разом отправляли в отпуск. В такие дни весь город был подобен огромному зверю, медленно умирающему под липкой и горячей грудой земли.

От толстых цементных стен домов, массивных железобетонных конструкций, высоких стеклянных зданий и раскаленного асфальта, покрывающего весь город, исходил жар, сравнимый с пеклом крематория. Все виды живой материи: обнаженная плоть, кожа, глаза, волосы – все таяло и испарялось в воздухе вместе с частицами пота. Город превращался в жерло извергающегося вулкана. Куда ни посмотри – тысячи огненных стрел пронзали тело и глаза, причиняя смертельные ожоги. Казалось, одновременно взрывались сотни звезд, сгорали метеоры, полыхали газы, и темный пепел прилипал к куполу небосвода. Препраждал путь свету. Порождал ночь. Но жара все никак не отступала. С приходом ночи вязкие волокна и ткани тела, подрагивая и вибрируя, истончались, становясь все более эфемерными. Клетки сна утрачивали свою сущность. Раскрывался код самого естества. Стиралась грань между сном и комой, истощались клеточные мембра-

ны. Это был период самого неглубокого, легкого и продолжительного сна в году. В противовес ему в такие дни всем управлял самый мощный коллоид сновидений, где сила притяжения и плотности смыслов была как никогда велика. Во сне Аями видела себя с огромным попугаем в руках, входящей в несуществующую ванную с холодной водой. Попугай когтями расцарапывал ей грудь, издавая громкие протяжные крики, похожие на мычание. Усиливающаяся жара города выходила за пределы реальности, а искусственный холод гигантских кондиционеров лишь усугублял все. В разгар лета мегаполис становился храмом сновидений, построенным адептами языческого культа где-то в глубине тропических лесов тысячи лет назад. Легкий сон уносил тело в вулканическое озеро, наполненное горячим пеплом и испарениями. Липкий и скользкий, как черное мыло, пепел; серые куски пемзы всех размеров с маленькими дырочками мешали телу свободно плыть в потоке. Стоило открыть окно, как в крошечную однокомнатную квартиру вваливался горячий воздух, который был массивнее громоздкого промокшего одеяла. Он разгоряченной тушей заполнял помещение, где не было ни вентилятора, ни кондиционера. Если же окно было закрыто, кислород улетучивался с ужасающей скоростью. Сам воздух был пропитан лишь зноем. Атмосфера была переполнена экстазом разрушения. В августе кровати походили на пышащие жаром болота, от которых поднимался огромный столб густого пара. В нем можно было разглядеть воспоминания.

нения о давно ушедшей прародительнице. Империя мучительных сновидений, поднявшаяся из кипящей топи, парила над августовским городом, посягая на спокойствие человеческого сна. Воздух, который был горячее температуры тела, в середине лета превращался в прочный прозрачный патрон и, как в замедленной съемке, медленно пронзал одно сердце за другим. Невидимые кристаллы свинца ежеминутно разрывали кожу, проникая в глубь распадающейся материи. Обожженные мембраны и слизистые оболочки. Дыхание подобно локомотиву, несущемуся навстречу отчаянию.

Каждую ночь, отправляясь спать, люди были насквозь пропитаны потом агонии. Их тела, как уголь, медленно тлели изнутри. Они горели без огня долго и медленно, до самого утра. В самый жаркий час суток он пил холодное пиво, а она ела огурцы. Когда включали желтый радиоприемник, похожий на коробку, всегда шла трансляция прогноза погоды. Диктор зачитывал текст очень медленно, безэмоционально произнося слово за словом. «В полдень. Температура. Достигнет. Тридцати. Градусов. Цельсия. Штиль. Тени. Нет. Опасность. Ожогов. Тридцать. Градусов. Цельсия. Штиль. Тени. Нет. В полдень. В городе. Возможны. Миражи. Возможно. Плавление. Асфальта. И. Автомобильных. Шин. Штиль. Безоблачно. Возможны. Ожоги. Слизистой. Оболочки. Небо. И. Атмосфера. Бесцветные...»

На подоконнике с солнечной стороны дома стояла свеча: она расплавилась еще до того, как ее фитиля коснулось пла-

мя. Тело ее сиротливо сгорбилось, воск местами растекся по подоконнику. Очертания свечи походили на неизбежный конец странной и запутанной любовной истории. Прежде чем тропическая жара закончилась, от людей оставался лишь пепел, а их души превращались в размытых серых призраков.

Отпуск подошел к концу, Аями вернулась на работу, где директор театра спросил, как она провела время, а она ответила, что все прошло отлично. Они будто встретились впервые, два незнакомца, никогда прежде ничего не знавшие друг о друге.

Девушка рассказывала, что во время отпуска по обыкновению навестила свою богатую тетушку, которая жила одна в далекой тропической стране, куда нужно лететь шесть часов на самолете. Жила она в доме из песчаника золотистого цвета с бассейном на заднем дворе. Рано утром Аями выходила поплавать в бассейне, где вся поверхность воды кишела многоножками, водомерками и даже змейками, а рядом плавали неизведанные бесформенные осколки черной ночи и обрывки сновидений, но ей и в голову не приходило избавляться от насекомых и от прочего. Она попросту погружалась в воду, как в глубокий сон, и плыла. Вода была прохладной, но становилась теплее ближе к центру бассейна. В сезон отпусков тетушка одну комнату сдавала постояльцам; всю работу по дому выполняла малазийка по имени Мими, ведь тетушке было уже за восемьдесят! Когда Аями была в

настроении, она всегда помогала Мими заправлять постели и прибираться в комнатах, но в основном девушка сидела без дела, убивая время. Она гуляла босиком по пляжу из крупного серого вулканического песка, покупала себе кексы и кофе в «Макдоналдсе» в центре города, а вечером шла в бар на веранде при отеле, чтобы выпить коктейль. На этом рассказ оканчивался.

«Богатая у вас тетушка! – с детским восторгом воскликнул директор театра. – Такая есть в каждой семье. Была и у меня когда-то. Но тетка моя была не просто богатой, а еще и устрашающе строгой. У нее в доме было целых три рояля, но мы к ним и прикоснуться боялись, а по дому ходили только на цыпочках. Она ненавидела лишний шум, в том числе и музыку. Давно уже умерла».

Вернувшись из отпуска в прошлом году, Аями показала директору театра фотографию, сделанную в городе, где провела отпуск. На фотографии Аями стояла на улице в *ханбоке* из белого хлопка без каких-либо узоров и украшений. Ее густые иссиня-черные волосы были завязаны в тугой пучок, из-под подола юбки выглядывали сандалии из перекрученной конопляной ткани, надетые на босую ногу. По какой-то причине в центре фотографии была не девушка, а фасад здания с огромными барельефами, поэтому ее силуэт получился настолько расплывчатым, что никто никогда бы не подумал, что на фотографии она, если бы ему не сказали об этом.

– Это напротив центрального музея? – спросил директор.

– Нет, сфотографировалась, когда проходила мимо отеля «Хилтон», – ответила Аями.

Аями начала брать уроки немецкого языка исключительно по инициативе директора театра. На второй день работы он рассказал ей о своей знакомой, которую знал со студенческих времен. Она вышла замуж сразу после окончания университета и вместе с супругом приехала учиться за границу в тот же город, где тогда жил директор, правда, учебу ей не удалось закончить, и она вернулась в Корею, но так и не смогла устроиться на приличную работу, а недавно неожиданно развелась, и ей пришлось срочно что-то придумать, чтобы обеспечивать себя. В итоге она стала учительницей английского языка. Ее не хотели брать даже в школу иностранных языков из-за преклонного возраста и недостаточного опыта работы, поэтому она давала уроки на дому. Причем преподавала она не только английский язык, но и французский с немецким.

– Возлюбленная Пикассо после расставания с ним тоже зарабатывала на жизнь, обучая в Париже американок французскому языку, – сказал директор. – Классическое решение проблемы, вне зависимости от времени и места.

– Какая из его возлюбленных? – спросила Аями, решившая брать частные уроки немецкого или французского языка – в ее случае было неважно, какой язык учить. Она чувствовала, что в любом случае иностранные языки ей никогда

не понадобятся.

– Фернанда Оливье, – директор назвал абсолютно неизвестное Аями имя.

Знакомая директора была миниатюрной женщиной изящного телосложения, элегантной, с длинными волосами до пояса. Однако в детстве она переболела оспой, и на лице остались следы болезни, отчего было сложно определить возраст при первой встрече. Кожа на ее лице была покрыта пятнышками, будто после ожогов. Когда она шла, все ее движения напоминали покачивающуюся на волнах лодочку. Она старалась держаться в тени, но иногда, когда ее правая рука оголялась, в свете солнца была видна чистая белая кожа.

После развода она переехала в район, находившийся в трех-четырёх остановках от аудиотеатра. Это был центр города, но дома стояли на холме – не самое удачное место. Условия жизни там были совсем скверными, из-за чего аренда была довольно низкой. Женщина сняла однокомнатную квартиру в самом конце переулка, куда даже солнечный свет не проникал. Туда приходилось довольно долго подниматься по склону от автобусной остановки. Каждый день после работы Аями ходила к ней на уроки немецкого языка. Занятие длилось девяносто минут. Они никогда толком не разговаривали, предпочитая спокойно сидеть друг напротив друга и просто читать вслух книгу. Возможно, именно поэтому за два года Аями почти не продвинулась в своем обучении.

Во время чтения они всегда пили чай. Учительница зака-

львала волосы назад, поджимала под себя смуглые ножки, склонялась к столу, как обезьянка, и маленькими глоточками попивала горячий чай. Когда она молча протягивала девушке чашку, ее белоснежная кожа на правой руке оголялась и сияла в свете вечернего летнего солнца. Однажды в комнате внезапно заговорило радио.

– Что это за звуки? – тихо спросила Аями.

– Это радио, – ответила учительница. Ее голос напоминал голос диктора из невидимой коробки.

– Зачем вы его включили?

– Оно само включилось.

– Может, выключим его?

– Нет, не могу.

– Почему не можете?

– В нем... сломался переключатель. Оно включается само по себе, а потом так же выключается.

– Тогда вытащите провод из розетки.

– Нет, не могу.

– Почему не можете?

– Я... я очень боюсь магнитных полей. Как и газа, или ножей, или грозы.

– А, понятно, – кивнула Аями, глядя на учительницу немецкого. Они продолжили пить чай. На их лбах выступили капельки пота. Единственное окно в доме, выходящее на стену тупика, изначально не открывалось полностью, а воздух, настолько плотный и осязаемый, что его можно было

смести метлой, темными клубами скапливался в слабоосвещенном помещении. Из аквариума, в котором давно умерла золотая рыбка, тянуло зеленым торфяным мхом. В комнате стоял сладковатый запах разрастающейся под обоями плесени. Дом был похож на храм, где поклонялись тропической жаре. Жар, как болото, затягивал все внутрь себя и разрастался. Все это приводило к так называемой муссонной болезни, которая погружала разум в болезненные галлюцинации. Стоило приоткрыть окно, как в маленькую однокомнатную квартиру вваливался горячий воздух, который был массивнее громоздкого промокшего одеяла. Он разгоряченной тушей заполнял помещение, где не было ни вентилятора, ни кондиционера. Если же окно было закрыто, кислород исчезал с ужасающей скоростью. В этом году, скорее всего, у Аями не будет отдыха в далекой тропической стране. Театр должен был закрыться задолго до начала отпуска, а вероятность того, что до этого момента девушка найдет другую работу, была очень мала.

«Недавно в моей левой груди был обнаружен узел неясного генеза – именно так и выразился врач», – прошептала учительница немецкого. Ее голос раздавался тихо и неявно, как отражение в помутневшем зеркале.

В воздухе повисло молчание, и через мгновение она добавила: «Ничего страшного. Этот диагноз часто ставят людям моего возраста». Аями спросила, насколько все серьезно, но учительница заверила ее, что повода для беспокойства нет и

что это совсем небольшой узелок. «Да, серьезно, – кивнула она. – Сейчас таких случаев много. Просто молодым девушкам, таким как ты, подобные диагнозы кажутся неправдоподобными».

Аями скоро должно было исполниться двадцать девять лет, но она совсем не считала себя молодой, тем более сейчас, когда ей грозила безработица.

«В жизни. Есть. Муки. Которые. Как проказа. Медленно. Гложут. И. Разъедают. Душу. Изнутри».

Учительница читала вслух отрывок ровным, безэмоциональным голосом. Каждый урок они брали по одной странице из книг на немецком языке. В тот день они выбрали «Слепую сову»².

Аями сидела, погруженная в свои мысли, положив палец на обложку гостевой книги, но вдруг подняла голову. За стеклянной дверью виднелся мрачный силуэт. Человек стоял, прижав ладони к стеклу. В тот вечер Аями решила ненадолго остаться в театре после рабочего дня, поэтому заперла главный вход, как только ушел последний посетитель – та самая слабовидящая девушка. Даже если бы человек пытался проникнуть внутрь здания, у него бы ничего не вышло. Неизвестно, как долго он так стоял у двери и смотрел внутрь, держа руки на стекле. Аями подошла ближе и удивленно по-

² Садег Хедаят «Слепая сова», пер. А. Е. Бертельс, А. З. Розенфельд (*прим. пер.*).

смотрела на незнакомца. Мужчина стоял неподвижно, будто пытался понять, что означает ее выражение лица.

Его вид напоминал молящегося человека: он стоял, прислонившись руками к стеклянной двери, с опущенной головой, расставив ноги на ширине плеч. Аями вгляделась в лицо мужчины. Его густые черные брови походили на лапы тарантула. Заметив приближающуюся Аями, мужчина слегка приподнял голову. Они стояли неподвижно, невероятно близко, почти лицом друг к другу.

Его впавшие глазницы на изможденном лице напоминали пещеры. Губы иссохлись, на глазах отчетливо выделялись красные прожилки сосудов, отросшая за день щетина, как тень, синевой чернела на подбородке. Если не считать того, что его лицо было волевым, но измученным, оно было совсем не примечательным. Это тот тип лица, который можно каждый день увидеть в автобусе или метро. Он застыл, как бронзовая скульптура, будто ему никогда не приходило в голову, что кто-то может подойти и заговорить с ним. Мужчина смотрел сквозь Аями, удивленный парадоксальностью всей ситуации, но даже бровью не повел, когда она подошла ближе.

Аями замерла. Не отдавая себе отчета, она поднесла обе руки ближе к его ладоням. Они могли соприкоснуться, если бы не было стекла. От смущения Аями во всем теле ощутила дрожь, почувствовала, как ее охватило какое-то властное неведомое чувство. Эмоции выходили за пределы воли и со-

знания.

«Я – чувства, – доносился изнутри шепот. – Я всего лишь чувства».

– Что вам надо? – Аями шевелила губами, не издавая ни единого звука.

Губы мужчины тоже зашевелились, но голоса его не было слышно:

– Я должен войти! Почему меня выгнали?

Мужчина не выглядел пьяным, но в тот момент в его глазах внезапно вспыхнуло отчаянное безумие. Аями испугалась и инстинктивно отступила назад, удивляясь тому, что смогла разобрать тихий шепот мужчины, несмотря на разделяющее их толстое стекло. Дрожащим голосом она выпалила, что театр уже закрыт. Непонятно, мог ли он прочесть это по ее губам, но вдруг он снова заговорил, чеканя каждый слог: «Все кончено. Теперь все кончено». Затем поднял кулак и замахнулся, как будто хотел разбить стекло. Тихим, еле слышным голосом он прошептал: «Я так просто не уйду! Я вас всех убью!»

Очевидно, незнакомец принял девушку за кого-то другого или вовсе перепутал с чем-то аудиотеатр. Мужчина не собирался никуда уходить, смотрел прямо на Аями и ругался, пока, наконец, к нему не подошли охранники из соседнего здания и не увели его. Его разъяренные глаза покраснели, в зрачках отражались яркие блики гнева. Аями больше не могла смотреть ему в лицо. Она отвернулась, в голове одна

за другой мелькали мысли: «Сколько же ему лет? Тридцать два? Пятьдесят шесть? Он сумасшедший от рождения или стал таким недавно? Худощавый и статный мужчина, светло-коричневая куртка и широкие брюки, клетчатая рубашка с расстегнутой верхней пуговицей, небрежная походка, хмурое выражение лица и морщинистый лоб, следы затаенных обид и провалов выгравированы по всему его телу, как ро-счерк жизненных неудач, массивное адамово яблоко, пугающедвигающееся вверх-вниз, сухая кожа голубовато-серого оттенка, иссохшая, как в пустыне, опасный, ядовитый блеск глаз. Неужели мы с ним знакомы?» Аями почувствовала, что больше никогда не сможет доверять своей памяти.

Его синие кроссовки, его еле слышный голос, который доносился через стеклянную дверь. Глаза с ярко-красными прожилками, сухие губы и неоправданно сильный поток смутных чувств. От них ее сердце разрывалось на части, истончалось. Но в то же время, как ни странно, они успокаивали, уносили ее в темную бездну бессознательного.

«Я – чувства».

В этот момент за спиной мужчины безучастно проехал синий автомобиль, но никто его не заметил. За рулем была женщина средних лет в пестром летнем платье, шарф из легкой ткани повязан назад. Кроме нее, в автомобиле никого не было. Одной рукой женщина держала руль, а другой – прижимала к уху телефон. Заметив кричащего перед стеклянной дверью театра мужчину, не стала останавливаться –

ведь к происходящему она не имела никакого отношения. По переулку шел человек, в руках он нес клетку с котенком, и ему пришлось прижаться к противоположной стене переулка, чтобы не попасть под колеса. Он был небезызвестным в этом районе христианским проповедником, который тайком подсовывал листовки с цитатами из Священного Писания в карманы прохожим. Полицейские арестовывали его, принимая за карманника. Остановившись перед светофором в конце переулка, женщина убрала руку с руля, достала бутылку воды и сделала глоток. Она продолжала разговаривать по телефону. Работающий двигатель и кондиционер автомобиля издавали привычные монотонные звуки.

«Ах... Мои пальцы медленно скользят вниз, проникают в твои штаны. Мои пальцы еще горячие. Я только что держала их между губами, теми, которые у меня внизу. У меня там уже все пропитано теплым персиковым сиропом. Расстегни ремень, но штаны не снимай. Я чувствую, что он уже твердый, но пока не вижу... Вот так... Медленнее... Закрой глаза и представь... Твоя развратная рабыня стоит на коленях перед тобой».

Она издала легкий стон. Она одновременно занималась двумя делами, требовавшими от нее максимальной концентрации – разговаривала по телефону и вела автомобиль. Это поразило Аями, и ей пришлось отвернуться: она не хотела, чтобы возбужденная женщина вылила на нее поток бранных слов. Двое охранников схватили мужчину за руки и выво-

локли с парковки.

Даже когда мужчина исчез из виду, Аями еще долго стояла на месте, словно прибитая к полу.

Раздался звонок телефона. Звук доносился из библиотеки.

Это была учительница немецкого языка. Аями поинтересовалась, как ее здоровье.

«Пью лекарства, очень много лекарств, – ответила женщина. – Мне, на самом деле, повезло: больница тестирует новый препарат, поэтому я за него не плачу. Побочных эффектов пока нет. За исключением того, что в последнее время я постоянно чувствую сильную сонливость».

Аями поразило, что ей удавалось читать по губам человека на другом конце провода, которого она не видела. Только она подумала об этом, как вспомнила сумасшедшего у двери, и странная мысль тут же улетучилась.

– Тот мужчина приходил сюда, – сказала Аями.

– «Тот мужчина»? Какой мужчина?

– Доставщик. Я видела, как он иногда приходит к вам...

– Слепая Сова, он не доставщик. По-моему, я говорила, что ты ему нравишься! – учительница обычно называла Аями именами героев из книг, которые они читали на уроках. Она считала, что Аями – слишком своеобразное имя, оно ей не нравилось и даже раздражало, поэтому прямо заявила, что по возможности не хочет произносить его. По той же причине учительница отказалась называть и свое настоящее

имя.

«В любом случае, – сказала она, – я никогда не буду называть тебя Аями. И ты, несмотря ни на что, не называй меня Ёни».

– Слепая Сова, ты же такая молодая, да еще и красивая. Видимо, он приходил именно к тебе... Ведь человека может тянуть к другому человеку. А он цветы принес?

– Нет, все было совсем не так. Он угрожал мне... Нет, он угрожал убить нас...

– Может быть, ты не расслышала. Или, возможно, это все шутка, или ты что-то не так поняла, – учительница любезным тоном прервала Аями. Девушка сильнее сжала трубку.

– Я все правильно поняла. Мы разговаривали пару минут через стеклянную дверь. Я, конечно, не открыла ему. И кто станет шутить про убийство?

– Он правда всегда был немного чудаковатым... Но он не жестокий человек... Кроме того, он бы не стал так себя вести без причины. Но как ты расслышала, что он сказал, если ты даже дверь не открыла?

– Я просто... просто услышала. Мне показалось, что он говорит это. Я все отчетливо расслышала.

– Не знаю. Возможно ли это?

– Я испугалась и теперь точно не помню, что он сказал, – но я читала по губам. Думаю, мне показалось, что я слышала его голос. Он рассердился из-за того, что мы не брали его к нам на уроки немецкого?

– Знаешь, я вспомнила, как он однажды сказал, что вы знаете друг друга уже очень давно.

– Не может быть.

– Но он так сказал... если мне не изменяет память. По его словам, вы были не просто друзьями, а чем-то бóльшим... он даже сказал, что вы были очень близки. И длилось это необычайно долго. А может, меня просто память подводит... Это из-за таблеток.

Она не поняла, что имела в виду учительница, лишь услышала ее короткий вздох на другом конце трубки. Аями снова осознала, что может читать по губам то, что говорила учительница, находившаяся так далеко от нее. Почему вновь возникли у нее эти смутные ощущения?

– Я так и знала, что ты не пойдешь домой сразу после работы, – учительница снова вернулась к теме. – Поэтому позвонила, чтобы кое о чем попросить.

Аями ответила, что сделает все, что в ее силах.

– Если ты ничем не занята до завтрашнего утра, помоги мне кое с чем.

Аями спросила, что именно надо делать.

– Сегодня под утро прилетает один человек. Можешь встретить его в аэропорту? Мне больше некого попросить, Слепая Сова. А он приезжает в Корею первый раз в жизни, – вдруг произнесла она очень серьезным голосом.

В записях гостевой книги не было ничего особенного, и,

хотя книгу заполнили не до конца, кто-то все же нарисовал картинку на последней странице. набросок состоял из нескольких уверенных линий графитным карандашом – маленький кораблик простой формы с удлиненным корпусом. На палубе уверенно стоял моряк. картинка больше походила на эмблему, чем на попытку детально изобразить каждую мелочь, но она отражала достоинство художника и его умелое исполнение. Можно было подумать, что на палубе стоит женщина, или, с другой стороны, статный длинноволосый мужчина, или вовсе не моряк, а случайно оказавшийся на борту человек, потому что в руках он держал не весло, а нечто похожее на птицу.

Сквозь жалюзи неспешно вливалась разбавленная лучами летнего вечера темнота и постепенно скапливалась внутри театра.

Аями встала и пошла к сцене, которую сценой можно было назвать довольно условно. Осторожным, неловким шагом, так, будто училась плавать, она вошла в воду, широко раскинув руки, плотно сжала пальцы, и все ее тело двигалось плавно, будто рыба в потоке или колышущиеся водоросли. Перед аудиооборудованием стоял маленький столик, но он был нужен только после спектакля, когда зрители хотели оставить отзывы в книге. В обязанности Аями также входило стоять у входа в зал, произносить название пьесы, имя автора и, наконец, объявлять: «Итак, спектакль начинается!»

Итак, спектакль начинается.

Аями легла на сцену – если так можно было назвать невообразимо маленькое пространство возле столика – и распростерла руки в обе стороны. Из зала на нее смотрели пустые кресла. Она не шевелилась. Глаза были закрыты, волосы спадали на лицо. Умерла? Снова раздался шепот невидимого радиоприемника.

«Прогноз. Погоды. Для. Моряков. Волны. На. Юго-востоке. Два с половиной. Метра. На. Юго-западе. Вдали. Легкая. Облачность. На. Юге. Слабая. Радуга. Местами. Ливни. С градусом. Ветер. Северо-восточный. 2. 35. 7. 81...»

Аями должна была встретиться кое с кем в восемь часов вечера в ресторане, и вспомнила она об этом сама, без напоминания – вдруг вскочила, пробудившись от иллюзорной смерти.

Когда Аями подошла к ресторану под названием «В темноте», было ровно восемь. Солнце уже село, но вокруг еще не стемнело. Время теней – момент между закатом и ночью, когда на улицы, словно мятежник, вырывается ослепляюще-яркий свет витрин магазинов. Ее бросило в жар, как только она вышла из холодной подземки. В небе стали формироваться облака, похожие на хлопья пепла. Она свернула в узкий длинный переулок, узкий настолько, что по нему не могла проехать ни одна машина. Ресторан располагался именно здесь, и, как только Аями свернула туда, она каждой клеткой ощутила, как быстро поднимается температура ее

тела.

Сначала она вошла в просторный и светлый холл, который служил залом ожидания, в нем же находился бар. Из бара доносилась спокойная музыка. Посетители сначала подтверждали бронь столика, а затем выбирали желаемое блюдо из меню. Официант за стойкой принимал заказ и сообщал о нем на кухню. Во время ожидания можно было взять напиток в баре или сдать в гардероб верхнюю одежду или слишком большую сумку, ведь они могли мешать посетителям. Деревянные двери, ведущие в основной зал, были закрыты. Пройти туда можно было, только сделав заказ. Многие нервничали, стоя возле дверей, хотя вряд ли бы признались в своих страхах, некоторые даже начинали плакать. Потому что эти двери вели в другой мир, где в воздухе витали совершенно другие ощущения.

Однако стоит сказать о двух правилах, которые необходимо знать, прежде чем войти в этот ресторан. Во-первых, запрещено пользоваться всем, что излучает свет или может стать источником огня: фонариками, зажигалками, спичками, сотовыми телефонами, светоизлучающими экранами, компьютерами; а также зажигать сигареты и благовония. Это безоговорочное табу ресторана. Во-вторых, в зале нельзя свободно вставать и передвигаться, так как можно нечаянно задеть кого-то из посетителей или разносящих еду и напитки официантов. Если кто-то захочет выйти покурить или посетить уборную посреди ужина, следует позвать находящегося

поблизости специального проводника.

Спутник Аями уже прибыл в ресторан и сам сообщил ей об этом. Двери распахнулись, она вошла внутрь. Перед глазами предстала чернильно-черная темнота, грузная, тяжелая, всей своей массой полностью заполнявшая помещение. Идти внутри абсолютной тьмы было в тысячу раз труднее обычного. С каждым шагом Аями будто вдавливала свое тело в толщу сумрака. Были слышны приглушенные монотонные звуки работающего кондиционера, разговоры и смех людей, звон бокалов, посуды и приборов, но ничего из происходящего не было видно. Шум издавала сама темнота. В кинозале, где уже начался фильм, всегда есть светящиеся таблички или мерцающие указатели на полу, но в ресторане таких не было. Даже с закрытыми глазами было видно больше, чем в этой непроглядной тьме. Аями почувствовала, что перед ней лестница. Она стала подниматься по ней, держась за перила.

«Вы – Ким Аями?» – спросила совсем молодая, судя по голосу, проводница. Аями подтвердила, что это она. Официантка аккуратно взяла ее за запястье и прикоснулась к тыльной стороне руки, провела пальцем по запястью, словно хотела измерить пульс. От нее пахло мокрой тканью из грубого хлопка. Проводники, как и другой обслуживающий персонал ресторана, были незрячими или слабовидящими. Для них не было принципиальной разницы между миром внутри ресторана и тем, что находился снаружи. Ведомая проводни-

цей, Аями подошла к своему столику и села.

Она заговорила первой:

– Сегодня была «Слепая сова».

– Знаю. Всю неделю только ее и ставили, – послышался голос директора театра. Он звучал сухо, хрипло и надломленно. Совсем не как у актера.

– Приходили школьники со своим классным руководителем, – продолжила она. – Оказывается, к следующей неделе им надо написать сочинение про аудиотеатр.

В темноте голос Аями раскрывал и подчеркивал глубину ее личности, которая при свете дня становилась более блеклой. Этот голос обладал плотью. Сами того не подозревая, люди, погруженные во мрак, прислушивались к голосу Аями, как если бы они смотрели на прекрасную девушку, освещенную лучами солнца. Какое-то время они кожей ощущали скользящие взгляды друг друга, и это рождало удивительное ощущение. Проводница принесла поднос, на котором стояли корзинка с выпечкой и пиалы с супом. Пахло свежим, еще теплым хлебом. Они были в этом ресторане не в первый раз, но официантка все равно объяснила, что где стоит.

– Тарелка находится перед вами. Вилка слева, салфетка и нож – справа. стакан для воды и бокал для напитков – в положении на 13.00 от вас, а корзина с хлебом – на 11.00. Поверхность бокала гладкая, а поверхность стакана для воды – ребристая. Ложка лежит прямо на 12.00 от вас.

– В темноте я всегда хватаюсь за ложку сильнее, чем нуж-

но, – от этой привычки сложно избавиться, – засмеялся голос директора театра, как только проводница ушла, а затем спросил: – Как прошло закрытие?

– Все в порядке.

– Приятно слышать. Ничего не случилось?

Аями вспомнила мужчину, который поднял шум у дверей театра, но решила, что это не так важно, поэтому ничего не сказала директору.

– У меня нет привычки хвататься за ложку, но... Мне непривычно не видеть движения ваших губ.

– Вот как? Выходит, вы сначала видите движение губ и только потом слышите, что говорят?

– Я часто читаю по губам, даже не глядя на них. Сама не понимаю, как это происходит.

– А может, это иллюзия восприятия? – директор театра замолчал, но затем продолжил серьезным голосом: – Кстати... Аями, чем собираетесь заниматься? Какие планы на будущее?

– Ничего конкретного. Я подавала заявления в несколько мест, но пока положительного ответа не получила.

– Вы так и не отправили письмо в Фонд, как я говорил? – прямо спросил директор театра.

– Нет, – Аями отрицательно покачала головой, но затем поняла, что в этом не было необходимости.

– Вам нужно сделать это, пока еще не поздно. Я серьезно. Вы талантливая молодая актриса и всегда прекрасно справ-

лялись с любой работой в театре. Поэтому, если вы устроитесь в отдел культуры и искусств Фонда, у вас обязательно появится шанс на успех.

– Я не выходила на сцену уже два года, – легко ответила Аями и улыбнулась. – И вы лучше, чем кто-либо, знаете, что моя работа в аудиотеатре не имела ничего общего с исполнительским искусством. Любой бы справился с тем, что делала я.

– Бывших актеров не бывает. Даже если не удастся найти работу по душе или приходится зарабатывать на жизнь разными способами, есть что-то неизменное. На мой взгляд, актерское ремесло – не просто профессия, а призвание. Согласны?

– Так ведь призвание и воодушевляет человека...

– Душа у всех есть, а вот воодушевление...

– Смотря что подразумевается под душой...

Принесли закуски. Аями решила, что он ест маринованный острый перец, заедая сушеными моллюсками с паприкой. Какое-то время они старались жевать как можно тише и медленнее.

– Я все же подумываю о том, чтобы найти временную работу, – заговорила Аями.

– Временную? То есть подработку?

– Да, именно.

– Снова пойдете в официантки? – недоуменно спросил директор театра.

– Может быть, но не сразу. На прошлой неделе я ходила на собеседование в университет. Им нужен помощник в офис на короткий срок, но, видимо, я не подошла – они так и не связались со мной. Зато сегодня вечером мне позвонила учительница немецкого и попросила меня встретить какого-то поэта-иностранца. Похоже, мне придется переводить ему и помогать с делами, ведь он никогда не был в Корее. Не знаю пока. Разберемся, когда прилетит.

– А, помню, вы говорили, что ему понадобится переводчик.

– Я... сначала отказалась, потому что переводить устно не смогу, но она сказала, что переживать не о чем, ведь это не международная конференция. Мне нужно будет помочь ему найти жилье и водить его по городу.

– Зачем поэту-иностранцу приезжать в Корею?

– По ее словам, он приезжает сюда творить.

– Но почему именно в Корею?

– Я тоже спросила, но похоже, что Корею он выбрал «случайно». Никто не будет официально встречать его в аэропорту, потому что никто не знает о его приезде.

– Раз так, то, может, он едет к Ёни. Личный визит, так сказать.

– Сначала я тоже так подумала... Но если это правда, то почему она переложила все заботы на меня?

– Вероятно, ей в скором времени придется пройти химиотерапию.

– Она говорила, что принимает очень много таблеток!

– Но, похоже, заметных улучшений нет.

– Она говорит, что ей повезло, ведь ей выписали новые экспериментальные препараты!

– А она рассказывала что-то конкретное об этих чудо-таблетках?

– Нет, – Аями снова зачем-то покачала головой. – Она попросила сохранить это в тайне и рассказала, что подписала документ о неразглашении, пока лекарство официально не появится на рынке. Больница тоже не будет брать на себя ответственность за побочные эффекты. Вообще-то, она сказала, что даже об этом нельзя было рассказывать.

– В любом случае, если она пройдет химиотерапию, это не значит, что ей нельзя ни с кем видеться.

– Может быть. Но если поэт и правда приезжает, чтобы писать стихи, то он задержится здесь на какое-то время.

– И тогда...

– И тогда он иногда будет заходить к Ёни.

– Насколько мне известно, еще во время учебы за границей Ёни недолго проработала секретарем у именитого писателя. Она подбирала и переводила для него различные заметки о Корее, потому что он хотел написать книгу. Роман так и не был завершен – он передумал. Автор был довольно популярен в те времена и каждый раз, когда он писал новую книгу, подбирал на время ассистента, который помогал ему работать с определенной темой.

– Временный ассистент – может, эта работа как раз для меня? Но я особо ничего не знаю об этом.

– Это уже забота писателя. Так когда вы приступаете к работе?

– Завтра рано утром. Точнее – сегодня ночью. Мне сегодня придется ехать в аэропорт.

– Знаете, я ведь сегодня тоже встречался с поэтом. Какое совпадение! – сказал директор. – Точнее, стоит отметить, что я встречался сразу с несколькими поэтами.

– Сегодня? В Фонде?

– Именно. Сегодня в Фонде, – он, вероятно, кивнул. – Возможно, вы уже знаете, но не так давно Фонд создал программу поддержки поэтов. Сегодня была официальная церемония. Сам я не имел никакого отношения к мероприятию, шел, чтобы встретиться кое с кем из отдела культуры и искусства, и случайно оказался там.

– Не знала о такой программе.

– А я думал, знаете...

– Откуда я могу знать, если она не имеет ничего общего с моей работой? Тем более что я ни с кем не знакома в Фонде и даже ни разу там не бывала.

– Ну да, я помню. Просто из головы вылетело...

– Так все поэты пришли в сопровождении своих ассистентов?

– Ассистентов?! – громче обычного сказал директор. Этот возглас был перемешан с холодной ухмылкой. Принесли ос-

новное блюдо. Аями почувствовала, как от стейка из баранины исходил насыщенный аромат.

– Ассистенток, – снова довольно громко сказал директор. Он звякнул ножом и вилкой по тарелке, аккуратно разрезая рыбу, опасаясь нечаянно проглотить кость. – Знаете, Аями, я никогда не бывал на таких сборищах поэтов. Они и сами не собирались. Конечно, я вживую встречал некоторых известных авторов на различных мероприятиях или лекциях. В газетах чаще все же. А когда учился за границей, то несколько раз общался с самим Ко Ыном. Он тогда как раз приехал в Европу. Он меня, конечно, уже не помнит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.